

1. Куда летит стрела?

Мне кажется, что Сибирь — это последнее, что осталось у России. Как в плане природных богатств, так и в плане надежд на будущее. Поэтому высказываемые время от времени предложения (к ним, правда, относятся без должной серьёзности) перенести столицу из Москвы в какой-нибудь крупный сибирский город — Тюмень, Новосибирск, Красноярск или Иркутск — представляются мне весьма правильными, хотя и несколько запоздавшими.

Выломанная из СССР, предоставленная самой себе Россия вот уже четверть века теряет пространство и время для определения собственной судьбы. Судьбу народа можно уподобить выпущенной из лука стреле. Она летит в сторону выбранной цели и или достигает, или не достигает её. Устройство лука и натяжение тетивы можно уподобить идеологии: они обеспечивают дальность и точность полёта стрелы. Советская “стрела” не долетела до цели, упала в первоначальную грязь дикого капитализма. Российская же “стрела” и вовсе полетела не вверх — к вековой русской мечте о правде и справедливости, — а буром устремилась вниз, к недрам, где нефть, газ и прочие дарованные Богом богатства. Эти, в основном, находящиеся на территории Сибири богатства сегодня преобразуются в сказочную жизнь для тех, кто “успел” или кто был назначен ими владеть. Таких счастливых и примкнувшей к ним обслуги — чиновников, адвокатов, силовиков, рекламно-медийных магнатов, топ-менеджеров государственных корпораций, прикормленных “деятелей культуры”, умельцев из шоу-бизнеса, — как свидетельствует статистика, в стране насчитывается примерно три процента от общего числа граждан. Журнал “Форбс” утверждает, что все богатства России контролируются представителями ста шестидесяти семей. Остальным девяноста семи процентам населения, миллионам прочих семей, то есть тем, кто “опоздал”, кого “не назначили”, говоря по-простому, всем нам уготовано унылое, на грани “прожи-

точного минимума” существование в условиях перманентного экономического кризиса. Сумеет отметить, что природу этого кризиса народ не понимает. Да, цены на нефть и газ скачут, но почему при этом закрываются производства, сокращаются рабочие места, растут цены и тарифы ЖКХ, а зарплаты снижаются?

Нынешнее российское общественно-экономическо-политическое устройство можно сравнить с перевёрнутой пирамидой. Она не может не рухнуть в силу того, что, отнюдь не являясь “солью земли русской”, равно как и “умом, честью и совестью нашей эпохи”, самозванные три процента хотят владеть богатствами страны вечно, а девяносто семь процентов всё яснее начинают осознавать, что их жизнь внутри существующего порядка вещей бессмысленна и безнадежна.

Мне вспоминается уникальный дом в Иркутске, на стене которого сохранилась фреска со словами “Интернационала” и суровыми иллюстрациями к нему. Я обратил внимание на молодых, явно родившихся после развала СССР юношей и девушек, с интересом и вниманием вчитывавшихся в каменный, казалось бы, давно утративший актуальность текст. А ещё там же в Иркутске запомнился рекламный предвыборный щит с хорошо известной людям старших поколений фотографией Ленина. В своё время она вдохновила Маяковского на строки: “Двое в комнате: я и Ленин // фотографией на белой стене”. Вождь мирового пролетариата как будто пронизывает взглядом смотрящего на фотографию, заглядывает ему в самую душу. Неплохо был сформулирован на щите и заданный от имени основателя советского государства вопрос: “Ну, как вам живётся при капитализме?”

Каждый, естественно, сам отвечает на этот вопрос, но в целом (об этом свидетельствуют многочисленные опросы социологических служб) народ отвечает: “Могли бы жить и лучше”.

Утвердившийся в России “периферийный” капитализм совершенно не учитывает глубинную психологию и трудовую мотивацию нашего народа. В самом деле, разве можно вообразить себе бригаду, работающую с такой же самоотдачей на принадлежащем какому-нибудь офшорному олигарху предприятелю, как работала бригада Павки Корчагина на строительстве знаменитой узкоколейки? В русское сознание, наверное, со времени отмены крепостного права и начала промышленной революции вмонтирована ненависть к тем, кто (по Марксу) наживается на чужом труде, одним своим существованием (дворцы, яхты, миллиарды, семья за границей и т.д.) оскорбляет вековые народные представления о справедливости как мере всех вещей. Настоящей ненавистью к капитализму пронизана великая русская литература. О его “свинцовых мерзостях” писали Толстой, Достоевский, Чехов, Гаршин, Решетников, Успенский, Лесков, Некрасов. Внесли свою лепту и знаменитые сибирские писатели — Мельников-Печерский, Мамин-Сибиряк, Обручев, другие менее известные литераторы, именуемые в литературных энциклопедиях “областниками”. Во второй половине девятнадцатого века в России сложилось настоящее антикапиталистическое, антинигилистическое направление в литературе. Яркими его представителями были такие авторы, как Крестовский, Писемский, Клюшников, Авенариус, Маркевич. Они в своих произведениях показывали, как “низовая” Россия, ментально и экономически не воспринимающая капитализм как хозяйственную систему и либерализм, как основу общественных отношений, тем не менее, по воле “верхов” чахнет от язв капитализма и либерализма. Помимо этого, в русском варианте либерализма эти писатели обнаруживали мощнейшую антинациональную направленность. Тогдашняя “прогрессивная интеллигенция” объявила их мракобесами и ретроgrадами, но время показало, что они были правы. Не избежал этой участи и классик русской литературы недавнего времени — Валентин Распутин. Этого писателя, вынужденно воздавая ему официальные почести, по большому счёту не любили ни советская, ни, тем более, постсоветская власть. Я убеждён, что, встречаясь на берегах Байкала (красивая ТВ-картинка!) в канун выборов, российские руководители не могли понять, о чём, сбиваясь и волнуясь, говорит этот человек, чего он хочет? Это было видно по их лицам. И как я вынес из своих редких разговоров с Валентином Григорьевичем, он сам искренне тяготился невозможностью взаимопонимания с представителями “верхов”. Впрочем, этого взаимопонимания и не могло быть. Распутин нёс

“Верх” мысли захатых русских “низов” о правде, справедливости, глубинной неудовлетворённости существующими реалиями. “Верхи” же в ответ скупающе кивали, в лучшем случае, предлагали оказать писателю материальное содействие в каком-нибудь умеренно-патриотическом культурном проекте. “И за это спасибо!” — обычно говорил в таких случаях Распутин.

Действительно, русский человек в силу каких-то особенностей своей психологии не хотел (и сейчас не хочет), даже не отдавая себе в этом отчёта, работать на неизвестно откуда появившегося собственника. Не склонен он и уважать допустившее появление подобного собственника государство. Народ постепенно теряет связь с государством и не принадлежащим ему местом работы — заводом, фабрикой, стройкой, лишается профессиональной квалификации, перестаёт видеть смысл в самом процессе труда, превращается в коллективного, живущего случайными заработками и подножным кормом “бомжа”. Кстати, процесс этого “перерождения” начался ещё в мнимо стабильном и могучем СССР, что тот же Распутин убедительно показал в пророческой повести “Пожар”. Не склонен русский человек и заниматься торговлей, практически повсеместно переуступив это право представителям иных, в основном, южных национальностей. Те же профессии, где русские были традиционно успешны, — преподаватели, учёные, врачи, инженеры — сейчас находятся под постоянным гнётom коммерческого реформирования. Вынужденная “заточенность” на немедленный финансовый результат вступает в противоречие с нравственными представлениями людей о смысле работы как оказании помощи ближнему и собственному вкладе в некое общее дело, поэтому многие хорошие специалисты уходят из профессии. Если “верхи” уверены, что “деньги решают всё”, то для “низов” это далеко не очевидно. “Низы” пока не могут внятно объяснить, чего они хотят, но совершенно точно, что то, как мы живём сейчас, им не нравится.

В СССР было бесклассовое общество. Предположение югославского коммуниста Милована Джиласа, что функции господствующего класса в СССР приняла на себя партийно-хозяйственная номенклатура, представляется спорным. Во-первых, “номенклатурщики” были ограничены во владении собственностью. Во-вторых, не могли передавать свои должности и, соответственно, доходы по наследству. В-третьих, они сами (особенно в сталинские времена) ходили под законом, точнее беззаконием, то есть могли в любой момент потерять не только пост, но и жизнь.

В постсоветской России классовое общество восстановлено в самой неприглядной и циничной форме. Объектом извлечения средств и преференций стали не только природные богатства страны и построенные в советское время промышленные и энергетические комплексы, но сама государственная служба. Дети высокопоставленных чиновников сплошь сидят на многомиллионных окладах в государственных корпорациях, рассекают, пугая не смеющих их задерживать ДПС, на “Бентли” и “Майбахах” по ночной, а в последнее время уже и по дневной Москве. Да не по проезжей части, а по тротуарам и парковым дорожкам! Зато в законодательных и исполнительных органах власти страны практически не представлено “трудовое сословие” — крестьянство и рабочий класс. Последним представителем пролетариата в Государственной Думе был колоритный коммунист Шандыбин — “доктор рабочих наук”, как он себя называл.

Каким бы энергичным, талантливым и умным ни был выходец из “девяноста семи”, ему никогда, ни при каких условиях и обстоятельствах не пробиться в заповедные “три процента”. Социальные лифты не поднимают наверх талантливых людей из народа, а наоборот, опускают вниз, на дно общества. Советская история знает великое множество случаев, когда ребята “от сохи”, “от станка”, из интерната или детского дома становились министрами, академиками и секретарями обкомов. В новейшей российской действительности такое изначально немыслимо. Банковские, нефтяные, газовые, торговые и прочие “кормления” в стране отдаются сыновьям “отцов именитых”, а теперь уже и внукам. Остальным говорят: “Денег нет, но вы держитесь!” Сбылось пророчество Петра Верховенского из гениального романа Достоевского “Бесы” — “...всякого гения мы потушим в младенчестве”.

Сегодня этому гипотетическому “гению” не так-то просто вообще появиться на свет в российской глубинке, где успешно “оптимизируются” роддома

и больницы. И говоря о том, чтобы получить образование в закрывающихся по всей сельской России школах. Вот почему нынешняя модель социально-экономического устройства, когда богатые с каждым годом становятся богаче, а бедные беднее, когда так называемой “элите” — всё, а остальным — закон, налог и “прожиточный минимум”, вряд ли способна вывести нашу страну в “мировые лидеры”, как обещают в программных выступлениях государственные люди. Вопрос лишь в том, смирился ли народ с тем, что его время “истекло”, что страна и её богатства более ему не принадлежат. Что он, народ, — расходный материал для *нового мирового порядка*, в который (на не сообщаемых народу условиях) мечтают вписаться те самые “три процента”. Или же нас ожидает некий всплеск народной инициативы, стремительное и неожиданное возвращение “девяноста семи процентов” из горестно-сонного состояния “внутреннего исхода”, “духовной эмиграции”. Писатель и общественный деятель, президент Аксаковского фонда Михаил Чванов сравнивал это с исходом из страны лучших русских людей в двадцатые годы прошлого века после поражения белого движения в гражданской войне.

Здесь-то мы и подходим к некоему сакральному значению Сибири для России. Сибирь дарована России, чтобы та не пропала. Чтобы она могла существовать в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах, длить свою жизнь во времена исторических “пауз”, когда пребывающий в социальном и гражданском “смущении” народ думает свою потаённую “думку”, сокрытую за занавесом внешнего смирения перед властью и традиционного русского “одобрямс”. Зимой сорок первого года сибирские дивизии спасли Москву. Сибирским хлебом кормилась страна, пока главные житницы СССР были под немцами. Сегодня сибирские нефть, газ, лес, алмазы и другие природные ископаемые наполняют российский бюджет, позволяя власти обеспечивать обязательные социальные выплаты, а народу сводить концы с концами.

Кажущаяся прочность существующего порядка во многом иллюзорна. Запредельные рейтинги первого лица свидетельствуют о приближении общества к критической точке, которую оно хочет всеми силами от себя отодвинуть. Это тоже особенность нашего народа — прятаться за безоглядную веру, как за последний барьер перед решением, которое невозможно, но так хочется отсрочить.

2. Народная геополитика

Можно, конечно, возразить: а как же Крым? Увы, по прошествии времени стало ясно, что страна приросла территориально, но не идейно. Всколыхнувшая было сердца идея *Русского мира* так и не получила развития, споткнувшись на Донбассе, ушла, как вода в песок, в дипломатические словопроения, в череду неясных договорённостей, где позицию России представляли Зурабов, Сурков, Грызлов и прочие хранящие “тайну переписки” чиновники, не проявившие себя, скажем так, на патриотической ниве.

Оставаясь внутренне — законсервированно — советским (а как ещё можно было противостоять навязываемому “украинству?”), народ Крыма полагал, что и в России ещё до конца не изжито советское прошлое. Но это оказалось не так. Полуостров русской воинской славы не стал “свечой зажигания” для запуска новых смыслов в обрётённой Родине. А сейчас и вовсе некоторые ответственные товарищи заговорили о том, что Крым для России “неподъёмная ноша”, не худо бы каким-нибудь образом её облегчить. Если за объединение с Россией на референдуме проголосовало чуть ли не сто процентов крымчан, то на последних по времени выборах в Государственную Думу явка составила немногим более пятидесяти процентов. Это очень тревожный симптом.

Страна в очередной раз упёрлась в неразрешимый во все времена для власти *русский вопрос*.

Есть некая злая мистика во всём, что касается этого вопроса, а точнее, жизни и судеб русских людей. Можно вспомнить результаты русско-турецких войн девятнадцатого века, когда дипломаты бездарно проигрывали то, чего ценой беспримерных подвигов и солдатских жизней добивалась русская армия. Или странную недееспособность русских патриотов в феврале и октябре тысяча девятьсот семнадцатого, когда революционные матросы под весёлую песню “Была Россия царская, а стала пролетарская” отправляли “в штаб к Духонину” (так тогда именовался расстрел без суда и следствия) своих командиров,

а потом и прочие не понравившиеся им гражданам. Как получилось, что русский народ, отказавшись от своей национальной сущности, увлёкся идеей мировой революции, решил воевать не за собственную Родину, а “чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”? Почему “народ-богоносец” взялся громить церкви, плевать в иконы, душить “буржуев, офицеров и профессоров”, свирепо реветь “Интернационал”, слова которого до сих пор украшают стену одного из домов в Иркутске?

Революционное неистовство обернулось для России обнулением цены человеческой жизни. Она, эта жизнь, ничего не стоила ни в гражданскую войну, ни в двадцатых и тридцатых годах. Немного стоила она и во времена Великой Отечественной войны, когда Сталин решил, что миллионы оказавшихся в плену советских солдат — предатели, и, следовательно, можно не интересоваться их судьбой. Судьбой немногих выживших в нацистских лагерях военнопленных, равно как и судьбой русских эмигрантов, не являвшихся гражданами СССР, но оказавшихся на занятых его армией территориях, советская власть действительно заинтересовалась позже, когда пришла пора репатриировать их на Родину, точнее в “родные” тюрьмы и лагеря. Да, в годы войны власть вспомнила о патриотизме и жертвенном величии русского народа. Сталин произнёс по этому поводу знаменитый тост. Но уже в сорок шестом году начался “откат” от патриотизма, обернувшийся тремя годами позже “ленинградским делом”, когда были расстреляны и репрессированы несколько тысяч русских по своей этнической принадлежности руководителей разного — от ЦК до райкомов — уровня. никоим образом не содействовала укреплению в обществе патриотизма и развернувшаяся в начале пятидесятых годов кампания против “безродных космополитов”.

Любая общественная инициатива, как в императорской, так и в советской, а сейчас и в постсоветской России непременно строго проверяется, можно сказать, “кастрируется” на предмет возможного “русского национализма”. Сталин, к примеру, обнаружил “национализм” в Сибири, когда посетил её в двадцать девятом году. “Национализм” заключался в том, что крестьяне отказывались продавать за бесценок государству хлеб, а самый наглый “националист” заявил: “А ты спляши, рябой, тогда, глядишь, я и насыплю тебе мешок хлебушка”. Вернувшись из этой поездки, Сталин принял решение о сплошной коллективизации, взялся ломать через колено хребет крестьянской России, ликвидировать кулачество как класс.

Это удивительно, но во все времена “русская тема” почему-то является неудобной и какой-то неприятной для власти. Ни один, начиная с Ленина, руководитель не обозначил чётко и последовательно своё к ней отношение. Хотя нет, Ленин считал “великодержавный русский национализм” главным врагом революции и призывал беспощадно с ним бороться. Сталин был прагматиком, использовал русский патриотизм сугубо технологично. Хрущёв как бывший троцкист ополчился на Православие, видимо, проницательно разглядев в нём уже религиозную разновидность национализма. Он закрыл тысячи храмов по всей России, обещал народу показать через несколько лет по телевизору “последнего попа”. Брежнев, бывший (по паспорту) то украинцем, то русским, отличился полнейшей индифферентностью к этой теме. Зато сменивший его Андропов, в бытность свою председателем КГБ охотно отпускавший за границу диссидентов, решительно боролся с так называемыми “русистами”, засевшими в журналах “Молодая гвардия”, “Человек и закон”, а также в Обществе охраны памятников истории и культуры. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, он, правда, переключился на укрепление трудовой и прочей дисциплины, видимо, желая “подтянуть” русский народ уже не столько идеологически, сколько административно. Черненко, помнится, разрешил писать слово “Родина” с большой буквы и снял наложенный Андроповым запрет на печатное употребление слова “русский”. Это слово везде следовало заменять на “советский”. Я сам был свидетелем, как две симпатичные редакторши в крупном столичном издательстве долго размышляли, как бы поправить в тексте народной сказки фразу: “Старуха вытащила ухватом горшок из русской печи”. По тогдашним негласным правилам фраза должна была звучать так: “Старуха вытащила ухватом горшок из советской печи”. Но редакторши понимали, что их засмеют, и, в конце концов, остановились на варианте: “Старуха вытащила ухватом горшок из ободранной печи”. Смысловая близость двух определений — “русский” и “ободранный” — была для них очевидна.

Горбачёв и Ельцин управляли страной, не изнуряя себя размышлениями об особенностях русского народа, о том, какие реформы он примет и поддержит, а какие (в силу своей душевной организации и исторического, точнее, генетического опыта) отвергнет, даже внешне с ними смирившись.

Спору нет, с одной стороны, любые изменения курса государственного корабля в сторону здравого смысла и социальной справедливости (ведь именно этого алчут трудящиеся массы!) благотворны. С другой — вековой опыт России свидетельствует, что большинство судьбоносных экономических и политических реформ в ней оборачивались, мягко говоря, большим дискомфортом для народа, приводили к последствиям совершенно неожиданным для реформаторов. Можно вспомнить убийство народовольцами “царя-освободителя” Александра Второго. Или установление иностранного контроля над российской промышленностью, невиданные финансовые спекуляции на биржах после введения графом Витте свободного обращения золотого рубля. Или — применительно к современности — реформы девяностых, результатом которых стал “откат” страны практически по всем (за исключением числа миллиардеров) экономическим показателям, а также “ползучий” отказ государства от большинства социальных обязательств перед населением.

Особняком в ряду реформ стоят “сталинские” — индустриализация и коллективизация. На одной чаше весов — невиданный трудовой энтузиазм (Магнитка, ДнепроГЭС, Кузбасс, сотни построенных заводов и фабрик), на другой — безмерные страдания ликвидированного как класс крестьянства, голод и репрессии. О цене этих реформ до сих пор ведутся споры, но, кажется, она за пределами любых научных (экономических и политологических) аргументов. Повторение такого рода реформ возможно только в исключительных исторических обстоятельствах и при совершенно ином психоэмоциональном состоянии власти и общества.

В сложившейся ситуации очень важно не повторить прежних ошибок. В истории России ведь были и примеры относительно удачных реформ. Например, реформа Столыпина. Можно сколько угодно идеализировать крестьянскую общину, но во многом благодаря реформе Столыпина Сибирь, в отличие от Украины, центральной России и Поволжья, смогла избежать страшного голода тридцатых годов. И это при том, что Столыпинская реформа так и не была из-за Первой мировой войны доведена до конца.

Правильно говорят, что реформы диктует жизнь. Но любая реформа может принести пользу только в том случае, если она опирается на вековые представления народа о жизни, если она доступна его пониманию и не вызывает нравственного и психологического отторжения. Реформы девяностых годов, плоды которых мы до сих пор пожинаем, активизировали худшие черты народа: жадность, вороватость, страсть к разбою и грабежу, анархии и обману. Вместо свободной конкуренции мы получили олигархический беспредел. Вместо социальной справедливости — бюрократический произвол и повсеместную коррупцию. Сейчас народ в массе своей прозрел, осознал, в том числе и собственные, ошибки. На невидимой повестке дня стоит вопрос о возвращении нагло украденной народной собственности, наказании проводивших “приватизацию” воров и мерзавцев. Но власть предпочитает этого как бы не замечать, рассуждая о некоем общенациональном консенсусе, всеобщем примирении. Договорились до того, что “примиряться” должны “красные”, “белые” и... “ельцинские”. То есть палачи, жертвы, грабители и ограбленные. Пока что история не знает случаев подобного примирения.

Если изменения в экономической политике опираются на лучшие представления народа, — в первую очередь, это касается уважения к человеческому достоинству и социальной справедливости, — то у этого курса есть шанс на успех. Иначе любые, даже с научной точки зрения абсолютно логичные и необходимые реформы заработают в обратном направлении и не достигнут поставленных целей. Экономика точно так же, как и идеология, не может существовать отдельно от народа. Она сильна, когда народ в ней, как “рыба в воде”, а не как бессловесное приложение к собственности олигархов. В противном случае нам останется утешаться словами известного исторического персонажа фельдмаршала Миниха. Он высказался в том духе, что Россия — это страна, напрямую управляемая Господом Богом, иначе объяснить существование такой страны попросту невозможно.

Рез почему правильно (без пафоса, но исходя из бесспорных исторических реалий) сформулированная высшим руководством страны и законодательно закреплённая позиция, разъясняющая место, роль и сегодняшнее положение русского народа в государстве, могла бы явиться тем “краеугольным камнем”, с которого началось бы постепенное формирование нового, отвечающего национальным традициям и предпочтениям общественного уклада. Такого уклада, когда во главу угла ставились бы не сиюминутные тактические, а долговременные, стратегические, главное же, понятные народу задачи и цели.

Россия и по сию пору, потеряв некогда союзные республики, остаётся самым большим государством в мире. Пространство удлиняет мысль, делает её бесконечной. Русская философия — это философия вечной жизни и космического пространства. Если основа западной философии — Ницше, Шопенгауэра, Шпенглера, Кьеркегора, Хайдеггера, Бубера — энтропия, смерть как конечная точка бытия (в редких случаях смена сущности через насилие), то русский философ Фёдоров определил “общее дело” как воскрешение всех умерших, преодоление человеческой цивилизацией земного притяжения, свободную и счастливую жизнь на просторах Вселенной. Можно воспринимать это как наивную сказку. Но ведь был полёт Гагарина, и была всенародная, какую не обеспечить никакими “оргмероприятиями”, радость по этому поводу. Это был порыв к некоему надмирному идеалу поверх сиюминутного существования “здесь и сейчас”. Его трудно сформулировать словами, но тогда он, “заархивированный” в “коллективном бессознательном” народа, вырвался наружу. Вот почему не приживается в России, несмотря на старания правящей “элиты”, идея потребления как смысла существования. Потребление, как и человеческая жизнь, конечно во времени. Русскому же сознанию всегда были тесны рамки одной-единственной жизни. Русский народ не может полноценно существовать, если у него нет ОБЩЕГО ДЕЛА и если он не видит за горизонтом собственного существования ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ, сообщающей СМЫСЛ его ЖИЗНИ. Русский путь — это вечное движение, пусть даже к неведомой цели. Так русские первопроходцы осваивали Сибирь, Аляску и Калифорнию. Так казаки плыли по бесконечному Амуру навстречу солнцу, справедливо полагая, что один лишь Господь Бог “знает наш предел”.

Трудно предсказать, чем обернётся для России нынешняя геополитическая и идеологическая “пауза”. Исторический опыт свидетельствует, что, когда она чрезмерно затягивается, когда верхи “не могут”, но “хотят”, а низы “не хотят”, но “терпят”, пауза прерывается революцией. У русской революции, как у чемодана контрабандиста, двойное дно. Первое — очевидное и отнюдь не бесспорное. Так в феврале семнадцатого года покончили (национальный консенсус) с самодержавием, защищать которое отказались не только потребовавшие отречения генералы и думские депутаты, но и ближайшие родственники императора Николая Второго. Второе — поистине бездонное, поднимающее страну на дыбы. Это уже октябрь семнадцатого. Есть и другой — тоже по-своему революционный, но в негативном смысле, как в 1991 году, вариант. Началось всё вроде бы с правильных и хороших, главное, мирных лозунгов — больше демократии, гласности, экономической самостоятельности и гражданских свобод. Закончилось же распадом, ураганным разграблением страны, разрушением промышленности и сельского хозяйства, как если бы СССР потерпел жестокое поражение в войне и выплатил (кому?) невиданную в истории человечества (некоторые экономисты оценивают её в несколько триллионов долларов) контрибуцию.

Лично у меня нет никаких сомнений, что, не случись Октябрь, результат Февраля был бы точно такой же, как в 1991 году. Есть у меня и объяснение для метафизической революционной “ловушки”, куда снова, спустя сто лет, рискует угодить Россия. Народ, переживший многовековое подавление своего национально-патриотического чувства, потерявший веру в себя, отучившийся брать ответственность за организацию повседневной жизни в собственной стране, интуитивно ищет выход своей обрванной и подавленной национальной энергии в крайностях, в альтернативных вариантах существования, таких как старообрядчество, мировая революция, военный коммунизм, православный социализм и так далее. А силы в нашем народе заключены немеренные. Достаточно вспомнить Великую Отечественную войну, когда, внезапно осознав себя русскими патриотами, строители ДнепроГЭСа и Магнитки, “сталинские

соколы” и “двадцатипятилетичники” вместе с потомками лишенцев, кулаков, нетрудовых элементов и прочих обиженных революцией “прослоек”, растёрли в пыль самую мощную и технически оснащённую армию тогдашнего мира. И ведь есть, есть ключ к отворению этой народной энергии, направлению её в созидательное русло. Но нет у властей предрасположенности рискнуть, честно назвать вещи своими именами. Хотя, казалось бы, так просто признать, что эксперимент не удался, страна не может развиваться в условиях государственного-олигархического капитализма и перманентного разворовывания бюджетных средств теми, “кто должен их стеречь”, то есть чиновниками, губернаторами и “борцами с коррупцией”, у которых дома обнаруживаются тонны денег. Что народ опустил руки и не хочет работать, потому что ему не нравится капитализм. Что ещё несколько лет такой, как сейчас, национальной и миграционной политики, и место русских, не только в банках, корпорациях, прокуратуре и прочих хлебных местах, не только на заводах, стройках и рынках, а вообще везде и всюду займут представители других народов, уже сейчас активно осваивающих пустующие просторы вымирающей России.

Существует в этой ненормальной ситуации и ещё одна “скрытая угроза”. Понятно, что наш “истеблишмент”, хранящий деньги в западных банках, отправивший туда детей и прикупивший там недвижимость, крайне не заинтересован в конфликте между Западом и Россией. Но есть неподвластная желанию людей логика, заставляющая разные страны вести политику, казалось бы, вопреки интересам своих “элит”. Слово какая-то незримая, сокрытая в глубине истории и психологии народа сила ведёт страну по невидимым рельсам... Куда? Туда, куда (спроси любого!) никто не хочет. Нечто схожее происходит сейчас с Россией. Душой, имуществом, банковскими активами наша “элита” там, на Западе. Но народ здесь, в России. И то, что происходит здесь, ему до того отвратительно и чуждо, что подсознательно он относится к возможной войне, как к событию, которое может изменить его жизнь, сломать существующий порядок вещей. “А пропади всё пропадом, хуже один хрен не будет!” — примерно так, не отдавая себе в этом отчёта, рассуждает народ, которому после приватизации, уничтожения бесплатного здравоохранения и образования, пенсионной и прочих социальных “реформ” воистину нечего терять. И эта невысказанная глубинная воля, как невидимая подземная река, ломает сопротивление “элиты”, определяет внешнюю политику государства. Отчасти это следствие глубочайшей дезориентации народа во времени и пространстве. “Когда не знаешь, что делать, соверши подвиг”, — учили древнегреческие философы.

Россия в очередной раз оказалась в лесу из “трёх сосен”: заговора “элиты”, революции и войны.

3. Сибирь как ОБЩЕЕ ДЕЛО

За годы журналистской юности я проехал её всю с запада на восток и с севера на юг. Сибирь сыграла в моей жизни огромную роль — дала ощущение страны и народа, приобщила к ОБЩЕМУ ДЕЛУ, без которого скучно жить русской душе. Сибирь — это не территория, это целый мир, уникальная цивилизация, где русский человек на практике реализовал свои представления о том, как надо жить.

Читая огромный очерк о Сибири в двадцать девятом томе дореволюционного (1899 года) Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, я удивился либеральным и, скажем так, непатриотичным взглядам авторов на историю этой важнейшей и богатейшей части Российской империи. Большинство цитат известных людей о Сибири там носят крайне негативный характер. К примеру, знаменитый реформатор Сперанский, оказавшийся в Сибири в двадцатых годах девятнадцатого века, писал, что не встретил на её необозримых просторах ни одного образованного человека. С каким-то мазохистским удовольствием далее в словаре повествовалось о заповедном мздоимстве и произволе сибирских чиновников, о кровавых бесчинствах “варнаков” и беглых каторжан.

Тем не менее, в Словаре Брокгауза и Ефрона неохотно признаётся, что в Сибири никогда не было крепостного права. Что люди на её необозримых просторах жили свободно и в экономическом смысле самодостаточно. Более того, именно в Сибири активно развивалось местное самоуправление, то есть народ хотел и умел решать любые организационные вопросы своими силами,

без неизбежной, как в советские годы, да и сейчас регламентации "сверху".
Вообще, внимательно знакомясь с документами и общественно-политическим дискурсом тех лет, невольно приходишь к выводу, что "элита" императорской России изрядно тяготилась территориями, которые осваивал и присоединял к государству русский народ. Странная и необъяснимая уступка Аляски Северо-Американским Соединённым Штатам (так тогда назывались США) во времена царя-реформатора Александра Второго выглядит при таком раскладе вполне логичной. Широкий русский человек, писал, имея в виду духовный склад народа, Достоевский, не худо бы его и сузить. Российская "элита", руководствуясь экономической и политической целесообразностью (главным принципом всех без исключения либеральных реформ), на практике "сужала" пространство, поднесённое ей "на блюдецке" русским народом. Подобные настроения, кстати, весьма сильны и в нынешней российской либеральной "элите", рассуждающей о территориальной трансформации страны, которая должна, по их мнению, начаться с отделения Северного Кавказа, Калининградской области, Карелии и Дальнего Востока, ну, а далее — везде.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века (звучит пугающе, как в другой жизни!) я, отслужив срочную в войсках ПВО на Чукотке, работал корреспондентом в отделе публицистики популярного в те годы молодёжного журнала "Юность". Это был журнал либеральной интеллигенции, смягчённая и адаптированная для молодого читателя версия "Нового мира". Сам "Новый мир", правда, был к тому времени "переформатирован" в идеологически стерильный советский литературный ежемесячник.

"Юность" с начала семидесятых шефствовала над Всесоюзной комсомольско-молодёжной стройкой железной дороги Тюмень—Сургут. Потом рельсы пошли дальше, в Когалым, Уренгой, Новый Уренгой. Появилась даже станция под названием Юность Комсомольская. Помнится, я оказался на ней летом. Меня поразили абсолютно законченный — с перроном, семафорами, стрелками, вспомогательными службами и постройками — вид станции и полное безлюдье вокруг. Это была станция "на вырост". И действительно, когда я снова попал туда через какое-то время, вокруг станции уже кипела жизнь, ударными темпами возводился коттеджный посёлок с прямыми улицами и центральной площадью.

Как я уже говорил, "Юность" была журналом отнюдь не "почвенническим". На её страницах печатались творцы "исповедальной прозы" — Аксёнов, Гладilin, Кузнецов, поэты Евтушенко, Вознесенский, Окуджава. Многие авторы журнала впоследствии стали диссидентами, эмигрантами. Потом — "прорабами перестройки".

Перестройка положила конец советскому сибирскому проекту. Но его мощь, его разбег (термин Солженицына) были таковы, что до сих пор Россия живёт уренгойским газом и тюменской нефтью. Освоение Сибири было поистине ОБЩИМ ДЕЛОМ всего советского народа.

В семидесятые годы даже такой, "с фигой в кармане", журнал, как "Юность", реально участвовал в этом общенародном проекте. Участие заключалось не только в публикации статей и репортажей, но и в хлопотах перед министерствами по нуждам стройки, целенаправленном "вывозе" в Сибирь журналистов и писательских "бригад", встречах с читателями, на которых рассказывалось о том, как осваивается Сибирь, какие материальные и карьерные перспективы открываются перед теми, кто поедет туда работать.

Я помню, как главный редактор "Юности", живой классик советской литературы Борис Полевой без шапки на сорокаградусном морозе обнимался на церемонии закладки очередного "золотого звена" или вкопчивании "серебряного костыля" с начальником строительства железной дороги Тюмень—Сургут—Уренгой Дмитрием Коротчаевым. Они, не чинясь и не разбавляя, "приняли" с работягами "питьевого", как тогда писали на бутылках, спирта и закусили снегом. Это были разные люди, но их объединяло героическое прошлое страны — война (оба были на фронте) — и дело, которым они занимались сегодня.

Отдел поэзии в "Юности" возглавлял поэт Натан Злотников. Он был либералом, знался, хоть и числился редакционным парторгом, с диссидентами и "отказниками", печатал в журнале стихи Варлама Шаламова, которые никто больше не хотел печатать. Но даже он никогда не отказывался лететь в Тюмень, Сургут или Нижневартовск читать стихи собравшимся в домах культуры,

а то и просто в бытовках или на стройплощадке строителям. Причём выступал всегда искренне, с чувством, и народ в телогрейках и валенках слушал его, аплодировал стихам.

Системно же занимались “шефством” над Западной Сибирью в “Юности” два замечательных журналиста — Алексей Фролов и Марк Григорьев. Сейчас их уже нет. Фролов умер несколько лет назад, а Григорьев погиб в начале девяностых во время пожара в Ленинграде в гостинице “Балтика”. Он был автором первой большой публикации о поджоге в Смольном, который будто бы устроил тогдашний помощник Собчака Юрий Шутов. От журнала “Огонёк” Марк снова поехал в Ленинград, чтобы продолжить журналистское расследование и трагически погиб в огне. На гражданской панихиде собрался весь цвет тогдашней российской журналистики. Одни не верили, что его смерть — это несчастный случай, другие видели роковую предопределённость в том, что человек, писавший о пожаре для журнала “Огонёк”, сам сгорел в огне. Сейчас уже нет ни Собчака, ни Шутова, да и кто помнит про тот пожар?

Алексей Фролов написал книгу “Человек и дорога”, где высказал две пророческих мысли. Первая: что будущее России — это Сибирь. Вторая: что этого будущего не будет, если даст слабину “человеческий материал”, если и дальше то, чего хочет, к чему стремится народ, и то, как управляют государством, какой пример подадут народу “верхи”, будет расходиться подобно неправильно проложенным рельсам. Он острожно, чтобы не привлечь внимания цензуры, намекал, что “картонная”, лозунговая пропаганда уже не работает, что советскому обществу нужны новые идеи и смыслы. Надо ли продолжать тратить огромные средства на поддержку дружественных зарубежных стран и национально-освободительных движений, в то время как не хватает средств на освоение Сибири, когда большая часть России не газифицирована, а по весне и осени почти все сельские дороги в стране становятся непроезжими. Он полагал, что колоссальные природные богатства Сибири дают СССР уникальный шанс на создание своего собственного, альтернативного капитализму проекта. Надо только правильно распорядиться этими богатствами, а именно обратить их на пользу народа, сделать жизнь советских людей такой, чтобы весь мир им завидовал. Они это заслужили. Такая, обращённая на нужды страны и народа экономическая политика, а не бескорыстная (и, как выяснилось, безвозмездная) помощь странам Азии и Африки, могла бы вдохнуть жизнь в “развитый социализм”, дать простор и энергию народной инициативе.

Не менее по тем временам острую и интересную книгу под названием “Юность комсомольская” выпустил и Марк Григорьев. В ней он коснулся межнациональных отношений на комсомольско-молодёжной стройке. Эта проблема советской властью усиленно загонялась “вглубь”, но Григорьев уже тогда отмечал разницу в отношении к природе, сибирской среде обитания у молодых людей из различных республик СССР. Да, интернациональная дружба была крепка, но уже тогда ощущались попытки победительно-потребительского, с привнесением моментов физического и психологического доминирования над русскими и — особенно — над представителями коренных сибирских национальностей отношения “братьев” из Грузии, Азербайджана и с Северного Кавказа. Марк Григорьев отмечал повышенную социальную мобильность молодёжи с Юга, выражал опасение, что, закрепившись в Сибири, представители этих народов перейдут от трудовых к иным, более привычным для них — паразитарным — формам социальной организации. Журналист объяснял, что из советского общества ушла объединяющая идея, что кажущееся несокрушимым единство страны держится на очевидном перераспределении средств и природных богатств от России к национальным республикам. Он резко выступал против проекта поворота сибирских рек в Среднюю Азию, справедливо полагая, что столь масштабное вторжение в природу обязательно приведёт страну к катастрофе. Фролов и Григорьев даже подготовили аналитическую записку в ЦК ВЛКСМ, где предостерегали против намечающейся кампании по пропаганде проекта “Повернём реки вспять!”

Губительный для Сибири проект, действительно, положили под сукно, но исключительно потому, что с началом афганской войны у государства не стало необходимых для его осуществления средств.

Социализм в его советском варианте, как любая общественная социально-экономическая система, пережил ряд трансформаций, приведя СССР в конечном итоге (история всегда судит по результату, а не по неосуществ-

лённым планам и намерениям) к полномасштабной государственной катастрофе. Политологи часто рассуждают о том, что главными государственными секретами в той или иной стране являются отнюдь не научные, военные и прочие технологии (хотя и они тоже), но сам механизм действий власти, обеспечивающий нормальное функционирование общества. Этот механизм должен удерживать общество в состоянии равновесия, способствовать поддержанию оптимального баланса между различными социальными группами, то есть, грубо говоря, наполнять не столь уж длинную человеческую жизнь смыслом и видимыми перспективами. Если власть справляется с этой задачей, государство достаточно успешно решает стоящие перед ним экономические и социальные задачи, общество развивается динамично. Процент “лишних”, не находящих себе применения людей в нём низок. Если нет — всё происходит с точностью до наоборот.

Социализм возник, как народное восстание против вековой несправедливости. Иначе советская власть так быстро и практически повсеместно не утвердилась бы в России. Об этом можно прочитать в мемуарах Керенского, который уже через несколько дней после Октябрьского переворота везде, где бы он ни оказался в поисках верных Временному правительству воинских частей, обнаруживал советы рабочих, солдатских и прочих депутатов, перепоясанных пулемётными лентами революционных матросов, а также неприкрытую враждебность со стороны простого народа. “Воцарившегося Хама”, так он писал. Пройдя через ряд кровавых — сталинских — трансформаций, через величайшее напряжение сил — победу в Великой Отечественной войне, — социализм вышел на пик своего развития в начале шестидесятых годов. Стратегический паритет с США, полёт Гагарина, беспрецедентный экономический рост, строительство жилья для народа, освоение целины, лучшие в мире системы образования и здравоохранения — это была “лебединая песня” социализма. Народ, настрадавшийся в годы постоянных репрессий и войны, искренне поверил в “очеловечивание” власти, был готов к созидательному труду на благо всей страны. Сколько талантливых учёных, режиссёров, архитекторов, писателей, инженеров появилось в то время! Но власть не сумела должным образом распорядиться народной инициативой. Расстрел рабочих в Новочеркасске, крах сельского хозяйства, отказ от любой модернизации, идеологический зажим, предельная бюрократизация повседневной жизни отвратили народ от власти, а следовательно, и от социализма. Страну стали олицетворять едва стоящие на ногах члены Политбюро, одним своим видом демонстрирующие ветхость и предельную изношенность советского режима. Кстати, после распада СССР несколькими научно-исследовательским центрам в Китае было поручено проанализировать и указать его причины. Одной из главных причин китайские обществоведы назвали нарушение преемственности поколений в управлении страной. Катастрофа СССР, по их мнению, объяснялась, во-первых, постоянным принятием руководством страны неправильных решений, во-вторых, непринятием в нужное время правильных решений, в-третьих, фактическим перехватом власти в стране “неправильными” людьми из окружения престарелых руководителей. “Утрата чувства времени и пространства” — так охарактеризовали китайские учёные процесс, приведший к исчезновению СССР. Именно поэтому смена поколений в руководстве сегодняшнего Китая осуществляется системно и неотвратимо. И это, как мы видим, даёт неплохие результаты. Но делает ли постсоветская Россия из этого необходимые выводы?

Последним судьбоносным, принесшим неоспоримую пользу стране действием советской власти явилось обустройство Сибири, создание в ней топливно-энергетического комплекса, который не только исправно пополняет список новоявленных российских миллиардеров, но и не даёт окончательно пропасть остальной (за вычетом членов “ста шестидесяти семей”) России.

Я верю в то, что у моей страны, у моего народа великое будущее. Оно, это будущее, помимо прочего, заключено в сохранении и развитии Сибири. Уже обозначены точки грядущего глобального противостояния. Это экологически чистые территории, природные ресурсы, вода, источники энергии. В переходные годы “идейной и экономической паузы” главной задачей русского народа становится сбережение Сибири как плацдарма грядущего развития, стартового комплекса для рывка в будущее. Других вариантов у нас нет.